
ЖЕНЩИНЫ В ПОЛИТИКЕ И УПРАВЛЕНИИ

ББК 60.542.21:60.561.3

С. Г. Айвазова

ПОЛИТИЧЕСКОЕ УЧАСТИЕ ЖЕНЩИН: НЕМНОГО ИСТОРИИ И ТЕОРИИ¹

19 марта 1917 года знаменитая Зинаида Гиппиус записала в своем дневнике: «Весенний день, не оттепель — а дружное таяние снегов. Часа два сидели на открытом окне и смотрели на тысячные процессии. Сначала шли “женщины”. Несметное количество; шествие невиданное (никогда в истории, думаю). Три, очень красиво, ехали на конях. Вера Фигнер — в открытом автомобиле. Женская и цепь вокруг. На углу образовался затор, ибо шли по Потемкинской войска. Женщины кричали войскам — “ура”... Мы с Дмитрием уехали в Союз писателей, вернулись — они все идут».

Это — свидетельство очевидца о 40-тысячной манифестации женщин, требовавших не только «хлеба» и «возвращения мужей» с войны, но и предоставления им «права голоса» — права избирать и быть избранными в органы власти своей обновлявшейся страны. Исторические источники свидетельствуют о том, что в отличие от многих других событий тех дней женская манифестация 19 марта была тщательно подготовленной и хорошо организованной. Ее поддерживало общество, которое к тому времени уже признало лозунги равноправия — признало благодаря настойчивой и кропотливой работе женских организаций, более 10 лет добивавшихся их реализации.

Начало этой истории восходит к другим революционным дням — к октябрю 1905 года, когда под нажимом общества на свет появился Высочайший манифест Николая II, провозгласивший, что в стране вводится новый конституционный строй и как орган народного представительства созывается Государственная дума. Опубликованный 11 декабря 1905 года закон о порядке выборов в Думу предоставил избирательные права только мужчинам. Женщины оказались исключенными из категории граждан, обладающих политическими полномочиями. С этого момента в России и возникает вопрос о гражданском равноправии женщин, о предоставлении им права избирать и быть избранными в органы власти, а вместе с этим — вопрос о гендерном измерении института выборов. Его разрешением занимались в первую очередь женские организации,

© Айвазова С. Г., 2009

¹ Раздел из недавно опубликованной книги С. Г. Айвазовой «Российские выборы: гендерное прочтение» (М. : Моск. учебники и картолитография, 2008).

активно отстаивавшие в начале XX века идеи равноправия. Они использовали для этого разнообразные формы коллективного действия — собрания, митинги, демонстрации, петиции в органы государственной власти.

В их числе было и «Обращение» старейшего Русского женского взаимно-благотворительного общества в Государственную думу от 3 мая 1906 года, под которым подписались более 5 000 женщин. Председательница этого общества А. Н. Шабанова вручила «Обращение» депутату Думы Л. И. Петражицкому, который имел репутацию не только блестящего юриста, но и сторонника женского равноправия. Обсуждение «Обращения» в Думе привело к образованию специальной депутатской Комиссии, которая должна была разработать законопроект о предоставлении женщинам избирательных прав. Но первая Государственная дума не успела рассмотреть «женский» вопрос. Она была распущена сразу же после возникновения данной Комиссии. Равноправки (так звали в начале века поборники женского равноправия в России) обратились и во вторую Государственную думу. Однако и вторая Дума тоже была распущена, так и не приступив к законодательской деятельности. Вскоре разразилась Первая мировая война, которая во многом стала катализатором Февральской революции.

Женские организации очень активно участвовали в ее развитии. Самыми известными из них были тогда Русское женское взаимоблаготворительное общество, Союз равноправности женщин, Женская прогрессивная партия, Российская лига равноправия женщин и др. И в предреволюционный период, и в дни Февральской революции их активистки вели широкую пропагандистскую деятельность практически во всех слоях российского общества — они работали на фабриках и заводах, в политических партиях и профсоюзах, с различными фракциями Государственной думы и земской общественностью. Именно эта упорная многолетняя деятельность позволила равноправкам потрясти революционный Петроград грандиозной манифестацией 19 марта.

Непосредственным поводом для ее проведения стало обнародование Декларации Временного правительства от 3 марта 1917 года о начале подготовки к созыву Учредительного собрания на основе «всеобщего, прямого, равного, тайного голосования». В Декларации не было сказано ни слова об отмене ограничений на право голоса для женщин. На следующий же день, 4 марта, лидеры крупнейших женских организаций обратились с письмом к Временному правительству, настаивая на внесении в документ уточняющей поправки, которая следующим образом скорректировала бы данную норму: «всеобщее, прямое, равное, тайное голосование без различия пола, вероисповедания и национальности». Письмо было вручено министру-председателю Временного правительства князю Г. Е. Львову, председателю Государственной думы М. В. Родзянко, отправлено в Исполком Совета рабочих и солдатских депутатов. Одновременно началась подготовка специальной акции, призванной оказать давление на власти. С этой целью широко распространялись обращения в поддержку идей женского равноправия, проводились митинги, собрания. В процесс было вовлечено около 90 женских организаций. Их возглавляла Лига равноправия женщин, во главе которой стояла очень известная в ту пору деятельница, врач по профессии, П. Н. Шишкина-Явейн.

Через две недели, 19 марта, акция состоялась. Поначалу возле здания городской думы был собран многотысячный митинг. Выступая на нем, П. Н. Шишкина-

Явейн заявила: «Мы пришли сказать, что Учредительное собрание, на котором будет представлена только одна половина населения, никоим образом не может считаться выразителем воли всего народа, а только половины его». После митинга участницы акции, организовавшись в гигантскую колонну, двинулись в сторону Государственной думы, чтобы потребовать официального ответа на обращение женских организаций. Марш проходил под лозунгами: «Место женщины в Учредительном собрании!», «Без участия женщин избирательное право — не всеобщее!», «Требуем голоса в Учредительном собрании!» и т. д. Среди манифестанток можно было встретить представительниц самых разных слоев общества — фабричных работниц и женщин-врачей, больничных сиделок и писательниц, горничных и курсисток, телеграфисток и сестер милосердия.

Подойдя к Государственной думе, манифестантки потребовали, чтобы к ним вышел сам Родзянко. Они заявили, что не покинут площадь, пока не получат положительного ответа на свои требования. Под их давлением сначала Родзянко, а затем и князь Львов сообщили о том, что власти признают законность требований манифестанток и готовы расширить норму «всеобщее избирательное право», включив в нее и право голоса для российских женщин. Это обещание было выполнено. В «Официальное положение о выборах в Учредительное собрание», утвержденное Временным правительством 20 июля и вступившее в силу 11 сентября 1917 года, вошла норма, устанавливавшая, что Учредительное собрание будет избрано на основе «всеобщего, без различия пола, и равного избирательного права». Так 90 лет тому назад Февральская революция официально признала равноправие женщин одним из важнейших принципов функционирования российской политики. Октябрьская революция подтвердила верность этому принципу.

Российский случай можно считать типичным для истории борьбы за женское равноправие. Начиная с эпохи великих буржуазных революций и вплоть до наших дней процесс слома традиционных гендерных логик соответствия, как правило, приходится на периоды подъемов социальных движений, массовых протестов или даже революционных потрясений. Алгоритм процесса примерно одинаков для разных стран и разных культур: на волне массовых выступлений при активном участии женщин последние заявляют о своих социальных интересах, о претензиях на роль субъекта политического действия. Реакция среды на эти заявления практически всегда отрицательная. Почему? Свой ответ на этот вопрос дал один из крупнейших мыслителей современности Р. Дарендорф: «Долгое время аристотелевское положение о том, что женщины “по природе”, может быть, и не люди второго сорта, но все же должны находиться у домашнего очага, а не на рыночной площади гражданской общественной жизни, господствовал в государственной философии. Движение суфражисток привязало требование гражданских прав к вопросу об избирательном праве и в конце концов, после Первой мировой войны, добилось успеха в большинстве развитых стран. Однако дискриминация, превращающая женщин в “граждан второго класса”, сохранилась и сохраняется до сих пор. Ее формы изощренны и малозаметны, но весьма заметно их действие. Так что и здесь требования позитивных сдвигов остаются частью современного движения за гражданские права»².

² Дарендорф Р. Современный социальный конфликт : очерк политической свободы. М. : РОССПЭН, 2002. С. 52.

Итак, источником возникновения движения за права женщин стало неравенство в обладании статусом гражданина, сложившееся в эпоху буржуазных революций. Эти революции проходили под лозунгом «Свобода, равенство, братство», который, по сути, являлся предельно лаконичным выражением требования «общественного договора», призванного уравнивать всех членов общества перед лицом закона. Но они отказали в равенстве людям неимущим, представителям не белой расы, женщинам. Зазор между теоретическими обоснованиями универсальной либеральной идеи «общественного договора», имплицитно предполагавшей наделение всех членов общества равным гражданским статусом, и ее практическим воплощением в правовую систему с целой серией исключений из универсальных правил и спровоцировал развитие массовых социальных движений — рабочего, национально-освободительного, женского. Каждое из них по-своему добивалось для своих участников всей полноты гражданских прав — или, по словам того же Р. Дарендорфа, «гарантированного гражданского статуса как высшего воплощения жизненных шансов», включающего не только равенство прав, но и равенство возможностей³.

Современная политика, как и политика раннего модерна, продолжает по большому счету функционировать по принципу исключения или дискриминации женщин, фактически превращая их в граждан второго сорта. В качестве доказательства приведем только одну цифру: средний показатель представленности женщин в парламентах различных стран мира составлял на конец апреля 2008 года около 18 % от общего числа их депутатов. Это значит, что и сегодня публичная политика во многом сохраняет свое «онтологическое» свойство — она является «естественной» средой обитания в основном для лиц мужского пола. Мужчины — «политические животные» по определению. Появление женщин в этом поле требует специального обоснования. Испокон веку место женщин «церковь — кухня — детская». Ну, может быть, еще фабрика или железная дорога, где они укладывают рельсы, чтобы помочь содержать семью. И все. Почему это так? По мнению некоторых исследователей, само поле политики очерчивается путем означивания женщин как некоего «чужого», или «другого», в его пространстве. В частности, авторитетная американская исследовательница Джудит Батлер полагает, что «сфера политики выстраивает себя через производство и натурализацию “до-” и “не-”политического... Это — производство конститутивного внешнего». Такие несущие конструкции либеральной политики, как универсальность, равенство, правовой субъект, «выстроены через акты немаркированных расовых и гендерных исключений и путем слияния политики с публичной жизнью, где приватное (репродукция, сфера “феминного”) рассматривается как до-политическое»⁴.

Ту же идею, но в иной форме, по-своему развивает политолог Кэрол Пейтмен, специально занимавшаяся изучением проблем либерального гражданства. Она доказывает, что в его условиях происходит «разделение приватного и публичного... отделение мира естественного субъекта, то есть женщин, от мира конвенциональных отношений, то есть мужчин. Феминный, приватный мир

³ Там же. С. 53

⁴ Батлер Дж. Случайно сложившиеся основания // Введение в гендерные исследования. Харьков ; СПб. : Алетей, 2001. Ч. 2. С. 256.

природы, частностей, различий, неравенства, эмоций, любви и кровных связей изолирован от публичной, универсальной — и маскулинной! — реальности конвенций, гражданского равенства и свободы, разума, согласия и контракта»⁵.

Справедливость этого вывода подтверждают и свидетельства истории, и высказывания современных политиков. В частности, хроники Великой французской революции напоминают об ожесточенных спорах вокруг ее главного документа «Декларации прав человека и гражданина», где торжественно провозглашалось: «Все люди рождаются и остаются свободными и равными в правах...». Женщины, активные участницы основных революционных событий, были уверены в том, что отныне и они станут «свободными и равными в правах». Создатели же этого документа, напротив, были убеждены в том, что понятие «люди» («les hommes» — во французском одновременно «люди» и «мужчины») на женщин не распространяется. От лица участниц революции писательница Олимпия де Гуж решительно заявляла: «Если женщина имеет право взойти на эшафот, то она должна иметь право взойти и на трибуну»⁶. Делегат Национальной ассамблеи Амар столь же решительно возражал: «Политические права любого гражданина предполагают, что он может участвовать в принятии решений, затрагивающих государственные интересы... Имеют ли женщины моральные и физические силы, необходимые для того, чтобы пользоваться такими правами? Всеобщее мнение признает, что нет... Каждый пол призван заниматься тем, что назначено ему природой»⁷.

Американский историк Джоан Скотт, комментируя эти хроники, обращала особое внимание на то, что гражданские требования француенок оставили такой неизгладимый след в сознании как современников, так и позднейших исследователей Французской революции, что они передавали свои впечатления от ее событий, используя самый отвратительный женский образный ряд, и вели речь об ее участницах как «об исчадиях ада, гарпиях, Медузах»⁸.

Заметим, кстати, что практически в тех же выражениях высказывается сегодня о гражданских инициативах женщин известный российский политик Владимир Жириновский — и в своих публичных выступлениях, и в программных документах возглавляемой им ЛДПР. Он открыто заявляет, например: «ЛДПР расценивает как глубоко ошибочное и вредное чрезмерное искусственное вовлечение женщин в экономическую и политическую жизнь, стирание граней между социальными функциями мужчины и женщины. И женщина, и мужчина должны выполнять свои исконные обязанности, определенные самой природой. Мужчина должен выполнять функцию основного кормильца семьи, а женщина — быть главным образом хранительницей домашнего очага и продолжательницей человеческого рода...»⁹. Это — пример едва ли не самых корректных его высказываний на тему «Женщины и публичная политика».

⁵ *Pateman C. Feminism and Participatory Democracy // Meeting of the American Philosophical Association, St. Louis, May 1986. St. Louis, 1986. P. 7.*

⁶ См.: *Duhet P. M. Les femmes et la révolution. Paris, 1971. P. 71.*

⁷ Цит. по: *Cerati M. Le Club des citoyennes républicaines révolutionnaires. Paris, 1966. P. 164.*

⁸ *Скотт Дж. Некоторые размышления по поводу гендера и политики // Введение в гендерные исследования. С. 951.*

⁹ Из раздела «Мужчины и женщины» Программы ЛДПР, принятой в 2002 г. О смысле и значении этого подхода в политическом дискурсе современной России см.

Между тем за двести с лишним лет, разделяющих высказывания Амара и Жириновского, международное сообщество в принципе признало справедливость притязаний женщин на полноценный гражданский статус и подтвердило это признание в многочисленных (более сотни) международных конвенциях и декларациях о гражданских и политических правах женщин. Это признание было бы невозможно без мощной идейно-теоретической экспансии сторонниц (и сторонников) женского гражданского равноправия, в том числе и в политические науки¹⁰. В свое время вклад в легитимацию женской гражданской субъектности так или иначе внесли и теоретики утопического социализма, и марксисты, и некоторые либеральные мыслители. Постепенно сложилась и собственно феминистская критика как особая система взглядов, ядром которых является идея гражданского равноправия женщин и мужчин. Свою главную задачу теоретики женского равноправия видели в деконструкции традиционных понятий «субъект», «пол», «политика». И предложили два ее радикальных варианта. Первый основан на традиции экзистенциалистского феминизма, развивавшегося в русле мыслительных разработок французской писательницы и философа Симоны де Бовуар. Ее книгу «Второй пол»¹¹ справедливо называют Библией женского гражданского равноправия. Второй — выстроен в духе «эссенциализма», критически заостренного против основных постулатов С. де Бовуар и ее «школы».

Обосновывая право женщин на гражданство, на субъектность в истории и политике, Симона де Бовуар доказывала, что не существует прямой причинно-следственной связи между биологическими различиями «мужского» и «женского» и выстроенностью мужской и женской социальных ролей по принципу иерархического соподчинения, когда один является господином, а другая — его рабой. Такое распределение ролей, или первичное разделение труда, не задано «природой», не предопределено раз и навсегда, а навязано вполне конкретными социально-историческими обстоятельствами. Самый знаменитый тезис Симоны де Бовуар: «женщиной не рождаются, женщиной становятся». С его помощью она стремилась доказать, что изначально в женщине заложены те же потенции, те же способности к проявлению свободы воли, к гражданственности, что и в мужчине. Конфликт между изначальной способностью быть субъектом и навязанной ролью объекта чужой власти и определяет особенность пресловутого «женского удела», обрекающего женщин на социальную пассивность и гражданское бесправие.

Подходы Симоны де Бовуар впрямую оспорили ее соотечественницы — представительницы эссенциализма Люси Иригарей и Элен Сиксу. Они заявили о существовании особой женской идентичности, о специфике женского начала.

также: *Рябова Т. Б.* Рекрутирование гендерной идентичности в современной российской политической риторике // Новые направления политической науки : гендерная политология. Институциональная политология. Политическая экономия. Социальная политика. М. : РАПН : РОССПЭН, 2007. С. 172—173.

¹⁰ История вопроса подробно разбирается в книге: *Айвазова С.* Русские женщины в лабиринте равноправия. М.: РИК Русанова, 1998.

¹¹ Книга вышла в свет во Франции в 1949 году, была переведена чуть ли не на все языки — от английского до японского. В России появилась почти полвека спустя, в 1997 году, но в самом полном, аутентичном варианте. См.: *Бовуар С.* Второй пол. М. : Прогресс : Алетей, 1997.

И на этой основе, сформулировав тезис о «праве на различие» с мужчинами, стали отстаивать право женщин на субъектность, но субъектность отличную от мужской. Ученицы Симоны де Бовуар приняли эти тезисы в штыки: они были убеждены в принципиальной схожести, даже равенстве личностного начала в человеке, будь то мужчина или женщина, а потому доказывали, что подобной женской идентичности, или «сущности», в принципе нет и быть не может. По их мнению, быть женщиной — это не призвание, не назначение. Женщина способна реализовать себя как личность — в труде и творчестве.

Сторонницы «права на различие», отвечая на эту критику, подчеркивали, что вся предшествующая история и культура выстроена в соответствии с мужским видением мира, с мужскими вкусами, предпочтениями, что мир — «маскулинизирован». Поэтому, входя в круг публичной политики, женщины должны противопоставить стандартам и стереотипам мужчин свои, женские ценности и вместе с ними — основы политики нового типа, при которой женская «этика заботы» вытеснит мужскую этику «справедливости». По их убеждению, без утверждения своего особого взгляда на мир, на историю и культуру женщины рискуют потерять самобытность и просто раствориться, исчезнуть в «мужском» сообществе¹².

Спор между «эгалитаристками» и «эссенциалистками» со временем не только не разрешился, но развел их по разные стороны баррикад. Однако, несмотря на внутренние разногласия, в последние десятилетия XX века теория движения за гражданские права женщин пережила период бурного развития. Под воздействием идей крупнейшего французского философа современности Мишеля Фуко, разработавшего «капиллярную» теорию власти, а также теоретиков постструктурализма Жака Лакана, Жака Деррида, Жилия Делеза и других, сложился так называемый постмодернистский феминизм, или постфеминизм¹³.

Хотя противники справедливо упрекают представителей постфеминизма в незавершенности, внутренней противоречивости мыслительных разработок, размытости используемых понятий, но именно в его рамках произошло определенное смысловое приращение к обоснованию идей гендерного равноправия. Теоретики этого направления сумели предложить новую увязку понятий «равенство» и «различие». С этой целью они переопределили термин «различие», предложив трактовать его не как маргинальность, исключение из культуры гражданственности, не как отклонение от нормы, а как некую ценность. В их парадигме любой «другой» (иная субъектность) получает свой полноценный гражданский статус, за этим «другим» признается право на полноценное существование в публичной политике. Они формулируют тезис о многогранности, многоликости, пестроте современного политического пространства, которое держится в напряжении не одним центральным конфликтом, не одним противоречием — классовым, расовым или национальным, а множеством разных конфликтов, разных противоречий, по-разному и разрешаемых.

¹² Irigaray L. *Le Temps de la différence*. Paris, 1989. P. 56.

¹³ К числу его крупнейших представительниц относят таких разных исследовательниц, как Джудит Батлер, Розы Брайдотти, Монику Виттиг, Юлию Кристеву, Шейлу Бенхабиб, Нэнси Фрейджер и других (подробный анализ их теоретических конструкций см.: Воронина О. А. Феминизм и гендерное равенство. М. : МЦГИ, 2004; Ушакин С. А. Поле пола. Вильнюс: ЕГУ—Москва : Вариант, 2007).

Понятие «субъектное разнообразие» стало базовым для постфеминизма. Джоан Скотт следующим образом описывает особенности этого подхода: «Современные феминистские теории не предполагают фиксированных отношений между сущностями, а трактуют их как изменчивые эффекты временной, культурной или исторической специфики, динамики власти... Ни индивидуальная, ни коллективная идентичность не существует без Другого; включенности не существует без исключенности, универсального — без отвергнутого частного, не существует нейтральности, которая не отдавала бы предпочтение ни одной из точек зрения, за которыми стоят чьи-то интересы, власть играет существенную роль в любых человеческих отношениях... Для нас различия — это факт человеческого существования, инструмент власти, аналитический инструмент»¹⁴.

Признание «субъектного разнообразия» фактически взорвало классическое либеральное представление о некоем «универсальном» субъекте публичной политики, который на поверку оказывался «состоятельным белым субъектом мужского пола». Феминистская критика сумела доказать, что «история субъекта является историей его/ее идентификаций»¹⁵. Концепт субъектного разнообразия подводил к совершенно новому пониманию политики. В его рамках доказывалось, что политика может и должна строиться не путем исключения «другого», а, напротив, путем его включения, наделения гражданским статусом, полномочиями гражданского участия. Таким образом ставился под сомнение сам принцип иерархического соподчинения и доминирования как единственно возможный при отправлении властных отношений, что, в свою очередь, расширяло поле возможностей для освоения сетевых, неиерархических форм коммуникации.

Но именно этот подход заставил феминистскую критику еще раз вернуться к чрезвычайно сложной проблеме — проблеме существования категории «женщины» как особой согласованной идентичности или особого коллективного «мы», которое должно быть представлено в поле публичной политики. Как верно подметила в этой связи российская исследовательница Н. Кукаренко, «в современных феминистских теориях категория *женщины* превращается в умпостигаемое поле различий, которая в силу своей плюралистичности больше не может выступать как объединительная. В результате возникает впечатление, что феминизмы, разлагая категорию субъекта, лишают женщин фундамента для коллективных действий»¹⁶.

Свой выход из этого теоретического тупика предложили теоретики самой последней волны постфеминизма, пришедшейся на конец XX века. Логика их толкования данной категории отчетливее всего прослеживается в работах философа Нэнси Фрейзер¹⁷. Фрейзер, с одной стороны, подтверждает в них, что ис-

¹⁴ Скотт Дж. Отголоски феминизма // Гендерные исследования / ХЦГИ. 2004. № 10. С. 11, 25.

¹⁵ См. подробнее: Муфф Ш. Феминизм, гражданство и радикальная демократическая политика // Введение в гендерные исследования. С. 216.

¹⁶ Кукаренко Н. Н. Гендерное неравенство и субъект феминистских политик // Новые направления политической науки. М. : РОССПЭН, 2007. С. 104.

¹⁷ Именно на них ссылаются известные теоретики гражданского общества Д. Коэн и Э. Арато (Коэн Д., Арато Э. Гражданское общество и политическая теория. М. : Весь мир, 2003. С. 677—692).

пользование понятий «женские интересы», «женская субъектность», «женская автономность», разумеется, можно отнести к проявлениям культурного сепаратизма или даже редукционистского биологизма. Но с другой — разъясняет, что на практике речь идет об использовании идеи женской автономии в специфическом ее смысле, точнее, о «средстве коллективного контроля над средствами интерпретации и коммуникации, достаточном для того, чтобы позволить женщинам участвовать на равных с мужчинами во всех видах социального взаимодействия, включая обсуждение политических проблем и принятие решений»¹⁸.

Еще дальше идет в своем категориальном анализе политолог Шанталь Муфф. Она весьма убедительно доказывает следующий принципиально значимый тезис: «Феминизм для меня — это борьба за равенство женщин. Эту борьбу не следует понимать как борьбу за реализацию равенства определенной эмпирической группы с общей эссенциальностью и идентичностью под названием “женщины”, но как борьбу против многочисленных форм угнетения, в которых категория “женщина” сконструирована как подчиненная»¹⁹. Ш. Муфф не без оснований полагает, что такой подход позволяет обнаружить не «естественную», а социальную природу выделения категории «женщины» как *некоей социальной группы, права которой систематически нарушаются*. Поэтому практическое применение этой категории легитимизирует и само понятие «женщины», и требования включения, интеграции женщин в сферу публичной политики.

Можно с полным основанием утверждать, что теоретические разработки феминистской критики способствовали расширению возможностей для политического представительства женщин. Сама проблематизация их положения в поле публичной политики спровоцировала острую общественную дискуссию, по-своему обеспечившую «прорыв» женщин в прежде закрытые для них сферы законодательной и исполнительной власти. Об этом со всей очевидностью свидетельствуют фактические данные. Возьмем, к примеру, Великобританию. Парламентские выборы 1983 года привели в палату общин 19 женщин, их доля составила тогда 3 % от общего числа парламентариев. Те же выборы 2005 года обеспечили женщинам уже 19,5 % парламентских мест (126 из 646 депутатов). Выборы 1980 года позволили пройти в палату представителей Конгресса США только 19 женщинам, что составило около 4 % от общего числа конгрессменов. Выборы 2006 года обеспечили женщинам 16,8 % мест (73 из 435 депутатов)²⁰. Тогда же спикером Конгресса впервые в истории США была избрана женщина. Этот пост заняла конгрессмен от Демократической партии Нэнси Пелоси.

В канун 8 Марта 2008 года Еврокомиссия подготовила доклад «Мужчины и женщины в принятии решений», в котором анализировалось состояние дел с равноправием полов в высших эшелонах власти объединенной Европы. В док-

¹⁸ Фрейзер Н. Что критического в критической теории? Хабермас и гендер // Феминистская критика и ревизия истории политической философии. М.: РОССПЭН, 2005. С. 372.

¹⁹ Муфф Ш. Указ. соч. С. 232.

²⁰ См.: Гидденс А. Социология. М.: Эдиториал УРСС, 1999. С. 311; а также данные Межпарламентской ассамблеи Европы на 29 февраля 2008 г. (URL: <http://www.ipu.org.wmn-e/classif.htm>).

ладе констатировалось, что в настоящее время среди тех, кто занимает высшие государственные должности в странах — участницах ЕС, 33 % женщин. В 1999 году их было 17 %. За этот же период с 14 до 20 % увеличилось число женщин на схожих должностях в структурах самой Еврокомиссии²¹.

Происходящий на наших глазах прорыв женщин в сферу политического представительства в странах «старой» демократии — это знак легитимации, то есть принципиального согласия общества на новые роли женщин, в том числе и на их участие в политике. Но сходный процесс происходит и в странах, где демократические процедуры либо только утверждаются, либо имитируются. В марте 2008 года Генеральный секретарь Межпарламентского союза Андерс Джонсон в своем докладе представил так называемую «карту» участия женщин в политике. Отметив, что по уже сложившейся традиции почти половину мест в законодательных органах своих стран имеют представительницы Скандинавии, он обратил внимание на то, что лидерство по числу женщин в парламенте начиная с 2005 года остается за Руандой. В этой стране, где громадное число мужчин погибло в ходе недавней гражданской войны, женщины занимают 48,8 % депутатских кресел, тогда как в Швеции среди парламентариев 47 % женщин, а в Финляндии — 41,5 %. Около 40 % женщин насчитывается также в парламентах Бурунди, Новой Зеландии и Танзании²².

Женщины осмеливаются конкурировать с мужчинами и в борьбе за должности глав государств. Во второй половине XX века в разное время 76 женщин в 56 государствах занимали посты премьер-министров или президентов. Первое десятилетие XXI века отмечено особыми женскими победами. В 2006 году, например, женщины возглавили 11 государств мира²³. В тот момент на пост президента Финляндии была переизбрана Тарья Халоннен. Канцлером Германии стала Ангела Меркель. Президентом Чили — Мишель Бачелет. Президентом Либерии — Эллен Джонсон-Серлиф. Президентом Латвии была в ту пору Вайра Вике-Фрайберге и т. д. В 2007 году в числе глав 71 государства, пришедших к власти на высшие государственные посты — президента или премьер-министра — было пять женщин. Это — генерал-губернатор Антигуа и Барбуда Луиза Лейк-Так, президент Аргентины Кристина Киршнер; президент Индии Пратибха Патил; президент Швейцарии Мишлен Кальми-Рей, премьер-министр Украины Юлия Тимошенко²⁴. На пост президента Франции в 2007 году претендовала социалистка Сеголен Руаяль. На пост президента США в 2008 году — представительница Демократической партии, бывшая первая леди страны, Хилари Клинтон. Все это — знаки «тихой женской революции», начатой в предыдущем столетии и с успехом отвоевывающей разные страны и континенты.

²¹ URL: http://ec.europa.eu/employment_social/emplweb/news/news_en.cfm?id=373

²² URL: <http://www.un.org/russian/news/fullstorynews.asp?newsID=9219>

²³ В их числе: Бангладеш, Германия, Ирландия, Латвия, Либерия, Мозамбик, Новая Зеландия, Сан-Томе и Принсипи, Финляндия, Чили, Филиппины.

²⁴ Первый рейтинг главных событий и тем 2007 г. // Альм. издат. дома «Коммерсант». 2008. 14 янв. С. 94—95.